

АЛЕКСЕЙ
ЕЛИСЕЕВ

АРОН
РОДОВИЧ

КРАЙ ГАЛАКТИКИ
РЕВЕРС 4

Край Галактики

Алексей Елисеев

Край Галактики. Реверс IV

«Автор»

«Автор»

2026

Елисеев А.

Край Галактики. Реверс IV / А. Елисеев — «Автор», «Автор»,
2026 — (Край Галактики)

В Империи Лубасири не прощают долгов, а на Краю Галактики выживают лишь те, кто контролирует потоки грузов и собственную судьбу. Искусственник Ар Сен, сохранивший при переносе психоматрицы в новое тело рефлексы и обрывки памяти земного пилота, вырвался из инкубаторов Академии Имперской Колониальной Администрации. Теперь он — второй пилот на частном грузовозе независимого капитана. Однако относительная стабильность фронтальной логистики рушится. Присутствие на борту беглого боевого истребителя-линковода, за которым тянется кровавый след и пристальный интерес имперских спецслужб, сулит только проблемы. Жесткая и прагматичная капитан Желлия Харк ведёт звездолёт в серые зоны. По следу идут пираты, а впереди пролегают нестабильные гиперкоридоры. Чтобы защитить экипаж и не стать разменным ресурсом в играх Великих Домов, Ару придется пойти на риск. Но в мире, где человек — это функция, а нервная система сплетается с искусственным интеллектом корабля, цена может оказаться слишком высока.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Елисеев, Арон Родович

Край Галактики. Реверс IV

Глава 1

Я проснулся от едва слышимого, почти неуловимого изменения в звуке работе двигателей, когда тело распознало смену корабельного ритма гораздо раньше, чем мозг успел окончательно проснуться и сформулировать ясную мысль. Этот рефлекс у меня уже успел сложиться за проведенное время на борту, намертво въевшись в нервную систему. Гиперпространство даёт один тип дрожи — ровный, гудящий на грани слышимости, ощущаемый не ушами, а скорее где-то в районе солнечного сплетения, тогда как реальный космос заставляет судно дышать совершенно иначе. Когда маршевые двигатели переходят в обычный режим, эта структурная перемена проходит сквозь палубу, пробивается через тонкий матрас и отдаётся в теле слабым, но требовательным толчком. Возможно, если будь я обычным пассажиром, то ничего и не заметил бы.

Мы вышли из гиперпространства в нормальную метрику, и это могло означать только то, что мы пришли в точку назначения или у нас проблемы. Я пролежал ещё секунду, просто разбираясь в собственных физических ощущениях довольно расслабленного полёта в гиперпространстве. Мы сдавали с Харк друг другу вахты, обмениваясь минимумом слов, иногда даже не встречаясь лично. Всё остальное время я отдыхал. Спал по большей части, что было много по любым меркам, даже с учётом моего искусственно расширенного цикла бодрствования. Тело не болело в прямом смысле, но тяжело гудело на том глубоком структурном уровне, куда не добраться ни сном, ни разминкой, а только долгим временем покоя. Мирра оставила на мне свои отчётливые следы. Жёсткая рукопашная схватка с нисомнийцем, экстренный старт с перегрузками, выматывающая гравитационная дуга вокруг планеты, и всё это — после суток на ногах в чужой атмосфере под непрекращающимся дождём, так что разогнанные мышцы помнили каждое вложенное усилие.

Тишину не разрывали сигналы боевой тревоги, так что... Скорее всего не проблемы, а просто долетели до места назначения. По моим расчётам мы должны были покинуть гиперпространство на шесть часов позже.

Я сел, откинул казённое одеяло и поднялся на ноги, потратив первые пять секунд просто на то, чтобы стоять неподвижно, пока вестибулярный аппарат сверялся с изменившейся гравитационной реальностью. Затем я медленно потянулся, методично, разминая позвонок за позвонком, и тут же почувствовал, как в правом плече что-то тупо и неприятно щёлкает. Острой боли не последовало, это было лишь механическое напоминание о том моменте, когда я с силой прикладывал тяжёлое тело противника к металлической переборке, и сустав всё ещё хранил память об этом ударе. Какое счастье, что нет необходимости куда-то бежать, что-то срочно делать или кого-нибудь бить.

Руки привычно встали в упор лёжа раньше, чем я осознал это решение, прижав ладони к холодному керамопласту пола в тесной каюте с низко нависающим над головой потолком. Я сделал двадцать отжиманий, затем очень медленно добавил ещё десять, с намеренной задержкой в нижней точке амплитуды, пока в трицепсах не начало разливаться характерное жжение. Моё модифицированное тело не нуждалось в этом так остро, как нуждался бы обычный человек, поскольку искусственники, по крайней мере моей партии «универсал», восстанавливаются в разы быстрее, и то, что я назвал бы свинцовой усталостью, любой лубасири, да и человек, с улицы назвал бы отличной рабочей формой. Но руки продолжали делать своё дело без сознательного разрешения, следуя какому-то ещё земному рефлексу, намертво вшитому в мою пси-

хоматрицу ещё до того, как я стал тем, кем являюсь сейчас. Утром ты отжимаешься, потому что иначе день запускается по неправильному алгоритму.

Сделав двадцать приседаний, я замер на несколько секунд с закрытыми глазами, прислушиваясь к тому, как второе сердце решает, нужно ли ему разогнаться всерьёз, но оно сочло нагрузку недостаточной и вернулось к ровному фоновому ритму. Я ещё немного попрыгал и растянулся, после чего посетил волновой душ. Когда из него вышел, то уже окончательно проснулся, взял свой рабочий комбинезон и быстро оделся, после чего приладил кобуру на бедро, защёлкнул крепление и проверил надёжность фиксатора. Планшет отправился в карман, и на этом сборы закончились, потому что больше никаких личных вещей у меня ещё не было. Голая полка над узкой койкой, абсолютно пустой стол и ничего, кроме выданного штатного снаряжения. Искусственник-универсал из стандартной учебной партии Академии Имперской Колониальной Администрации не обрастает лишним имуществом. На учебной станции для этого просто не было времени, а здесь, в открытом космосе, пока не встретилось ничего такого, что мне захотелось бы навсегда оставить при себе. Разве что, тот кусок астероида, что чуть не стоил Тис жизни, но его я не нашёл.

В коридоре дежурное освещение тянулось вдоль металлических плит тусклой жёлтой полосой, указывая путь к мостику. Магнитные подошвы пустотных ботинок, сейчас отключённых щёлкали по палубе, выбивая ровный, размеренный ритм, который давно перестал быть осознанным действием и превратился в автоматическую функцию перемещения. Вентиляционная система гнала очищенный воздух по скрытым шахтам, а где-то в самой глубине корабельного корпуса монотонно и успокаивающе гудел контур охлаждения. Эти ощущения корабля я перестал воспринимать как отдельные раздражители почти сразу, как только попал в экипаж. Они слились в единый привычный фон, точно так же, как становится незаметным собственное ровное дыхание.

Я прошёл мимо медотсека, мазнув взглядом по зелёному огоньку индикатора — Риваш находился внутри, и аппаратура работала штатно. Затем миновал каюту Олика, из-за приоткрытой двери доносилось тяжёлое, влажное сопение, безошибочно выдававшее крепко спящего чонкегишита. За закрытой дверью Кито стояла абсолютная тишина, которая и должна быть за герметично закрытой дверью в жилую каюту. Мастерская встретила меня тёмным силуэтом перегонного аппарата, надёжно укрытого куском брезента, а следом показался камбуз.

Пищеблок я прошёл быстро и принципиально не глядя влево, где вдоль стены ровным, безликим рядом выстроились стандартные контейнеры с питательными таблетками. После настоящего тоор-ана на Мирре думать об этих сублиматах было физически неприятно — и дело было вовсе не в банальном голоде, а в пробудившейся памяти о том, что еда может быть вкусной.

На мостике Харк неподвижно стояла у главной обзорной панели, заложив руки за спину и расправив плечи, устремив немигающий взгляд прямо по курсу. Она даже не обернулась на звук моих шагов, поскольку всё действительно важное сейчас находилось перед ней, на огромном экране оптического проектора. Я молча занял своё штатное место за вторым пультом, активировал системы и только после этого поднял взгляд на обзорник.

Первым делом моё восприятие выхватило огни — их было настолько невероятно много, что первая, инстинктивная реакция заключалась не в попытке понять, что именно я вижу, а в простой констатации факта: там, впереди, висит нечто колоссальное и светящееся. Оно выглядело живым из-за пульсации тысяч маяков, хотя состояло исключительно из металла и энергии, сплетённых в машину такого масштаба, рядом с которым привычные понятия размера теряли всякий смысл.

Только спустя несколько секунд мой взгляд начал выхватывать из этого хаоса осмысленные конструктивные детали. База Калим-Тош висела в ледяной пустоте, находясь достаточно далеко от ближайших планет и их гравитационных теней — в чистом и безопасном участке

пространства, где прыжок можно совершить без малейшего риска. Я быстро запросил телеметрические данные с наших сенсоров, увидел побежавшие по экрану цифры массы и габаритов, и просто посидел с ними молча, пытаясь осознать масштаб. Затем я запросил пакет данных повторно, но цифры безжалостно подтвердились, так что мне оставалось лишь принять их как физический факт и перестать пытаться сравнивать эту конструкцию с чем-то знакомым, потому что ничего сравнимого в моей памяти просто не существовало.

Это была космическая станция класса «Дивер» — формально гражданская база, которая по всем официальным документам проходила как крупный торговый узел, перевалочный пункт и место пересечения оживлённых логистических маршрутов из нескольких секторов. Но визуально она представляла собой такой объект, который невозможно было назвать просто рынком. Её основной корпус оказался многосоставным — не единый монолит, а конгломерат намертво соединённых блоков разного возраста и технического назначения, которые вырастали один из другого, подобно древнему городу, достраиваемому целыми эпохами по мере надобности и наличия кредитов. Центральный, старейший блок читался безошибочно: массивный, приплюснутый, с ярко выраженным силуэтом армейского происхождения, потому что такая архитектурная прагматика не исчезает даже после десятилетий мирной службы. По его периметру шли ряды толстых броневых пластин покрытых монокристаллическим покрытием, а вдоль верхней плоскости чётко угадывались глубоко утопленные башни — даже с этого расстояния я распознал характерные хищные профили тяжёлых лазерных орудий. По бокам от центрального массива тянулись ряды чего-то поменьше, но более скорострельного и плотно посаженного, скорее всего, батарей протонно-ионных пушек. «Дивер» действительно числился гражданским объектом, но совершенно очевидно строился с холодным имперским пониманием того, что на фронтире, может быть, придётся встречать гостей предельно негостеприимно.

К этому ошестившемуся стволу ядро хаотично прилепились десятки дополнительных секций. Здесь были и огромные доковые ангары, и вытянутые жилые модули, и массивные технические пристройки, и причальные пирсы для тяжёлых рудовозов и барж. Каждая из этих надстроек жила своей автономной жизнью, переливаясь огнями разного цвета, интенсивности и ритма мигания. Где-то шла масштабная погрузка, и я видел неспешное движение крупных, угловатых объектов вдоль внешней поверхности одной из промышленных секций, а в другой стороне, судя по плотному скоплению навигационных огней, выстроилась гигантская очередь на вход во внутренние причалы.

Именно к этой пульсирующей очереди мы сейчас и направлялись. Я машинально начал считать ожидающие корабли, но бросил это бессмысленное занятие уже на третьем десятке. Их было слишком много, и из тёмной пустоты продолжали прибывать всё новые и новые вымпелы.

Здесь собрался идеальный срез всего, что вообще способно было летать в этом секторе Галактики. Тяжёлые, неуклюжие грузовозы с раздутыми брюхами, набитыми стандартными контейнерами, щеголяли корпусами в характерных чёрных подпалинах от жёсткой работы в плотных атмосферах. Рядом висели средние транспортники, похожие на нашу «Тэбити» по габаритам, но демонстрирующие самую разную степень ухоженности или ушатанности. Один из них тяжело шёл с грубой, наспех приваренной заплатой на левом борту — ремонт явно делали экстренно и на скорую руку, заботясь исключительно о герметичности, а не об эстетике. Чуть дальше виднелись несколько судов, чей класс не поддавался быстрой визуальной идентификации. Глубоко переделанные корпуса с кустарными модулями, наклепанными поверх базовой конструкции с откровенным пренебрежением к внешнему виду. За ними жалось что-то совсем маленькое и юркое, очевидно, одиночный частник, который покорно шёл в общей очереди. А где-то на самом дальнем краю этой обширной зоны ожидания темнел силуэт действительно огромного корабля, глядя на который я так и не смог уверенно остановиться ни на

одной классификации — это было нечто среднее между тяжёлым транспортником и лёгким крейсером, перестроенное до такой степени, что исходный тип уже не читался вовсе.

Вся эта колоссальная масса звездолётов находилась в постоянном медленном и предельно организованном движении. Каждый борт здесь висел в своём строго выделенном окне, но одновременно достаточно плотном, чтобы заставлять сенсоры работать на пределе и держать внимание пилотов в тонусе. Всплывшая земная память без малейшего усилия нашла этому подходящее слово — базар. Крытый рынок, где всегда тесно, невыносимо шумно, а в воздухе смешиваются запахи десятков вещей и где тебя постоянно пытаются схватить за рукав. Конечно, здесь, в ледяном вакууме, никто никого не хватал, здесь вместо многоязыких голосов отрабатывали вспышками факелов каскадные двигатели, а вместо торговых прилавков зияли посадочные проёмы доков. Но в самой исключительной плотности всего этого процесса, в хаосе, который при ближайшем рассмотрении оказывался сложным, дышащим порядком, крылось именно это базарное чувство. Только в тысячу раз огромное и неизмеримо холоднее.

Я смотрел на станцию и думал, что было бы интересно узнать, а там, внутри, тоже торгуются до хрипоты? На земных базарах это считалось обязательной частью сделки — не просто молча купить, а эмоционально поторговаться, посомневаться в качестве и сделать вид, что уходишь. И там всегда давали попробовать товар, просто сунув кусок прямо тебе в руку с широкой улыбкой. После великолепного тоор-ана на Мирре я теперь точно знал, что еда бывает по-настоящему живой, что она пахнет и оставляет после себя долгое послевкусие. Мне было крайне интересно, существует ли что-то подобное внутри этих бронированных лабиринтов Калим-Тош, или там можно найти только стандартный паёк и химические таблетки.

Ну что же... Похоже, что вскоре у меня появится шанс это проверить.

— Капитан, — негромко позвал я. — Второй пилот Ар Сен вахту принял.

Она не обернулась, и её плечи даже не шевельнулись, просто угол наклона головы едва заметно изменился, давая мне понять, что она слушает.

— Вижу, что проснулся...

— Разрешите обратиться с вопросом, капитан?

— Разрешаю. Задавай свои вопросы, Ар.

— Там, внутри, тоже торгуются? — спросил я, не отрывая взгляда от дисплеев.

В воздухе повисла короткая, сугубо деловая пауза.

— Везде, где крутятся имперские дукаты и можно получить выгоду, торгуются, — назидательно отозвалась капитан. — И Калим-Тош в этом плане не исключение.

Я ждал какого-то развёрнутого продолжения, но его не последовало. Для Харк это был рабочий вопрос, на который она выдала исчерпывающий рабочий ответ, поскольку видела эту и другие станции столько раз, что это давным-давно перестала быть зрелищем и превратилась в простой набор координат. А в моей голове тем временем всё ещё завораживающе крутились чужие огни.

Диспетчерский канал связи открылся автоматически — точнее, автоматика самой станции принудительно открыла его, как только наши системы зафиксировали выход из гипера в зоне досягаемости. Голос дежурного оператора прозвучал в рубке чётко, сухо и без лишних интонаций:

— Судно на входящем векторе, ваш идентификатор не подтверждён. Запрашиваю регистрационный код, торговую лицензию и данные по грузу. Ожидайте подтверждения перед входом в зону контроля.

Харк даже не сдвинулась с места, её взгляд оставался прикованным к обзорнику, и только рука совершила короткий указующий жест в сторону моего пульта:

— Коды лежат у тебя в папке под третьим номером на планшете. Отправляй.

При помощи нерошунта я разблокировал планшет и быстро нашёл указанную директорию, содержащую регистрационный код нашей «Тэбити», торговую лицензию Харк и мани-

фест груза. Документ я машинально открыл на секунду и пробежался глазами по строкам. В грузовой декларации значились четыреста контейнеров с белковый концентрат, производитель «Рикса», планета Мирра, конечный получатель — Мати Дрэнг, станция Калим-Тош, подсектор Пилксор. Всё идеально сходилось с нашими данными.

Я подтвердил выбор и отправил пакет на запрошенный адрес диспетчера.

— Данные получены, — механически отозвался оператор. — Ожидайте верификации. Расчётное время обработки — от восьми до двенадцати минут. Удерживайте текущую скорость и позицию в эшелоне.

Восемь минут — специфический отрезок времени: не слишком мало, чтобы суесться, но и недостаточно много, чтобы заскучать. Как раз хватает на то, чтобы внимательно заметить детали, которые обычно безжалостно пропускаются в спешке. Вот только все эти восемь минут система наведения космической станции будет вести нас, как потенциально опасную цель. Я откинулся на спинку кресла и снова посмотрел в огромный экран.

Очередь на вход продолжала неспешно двигаться, подчиняясь строгому алгоритму. Один проверенный борт уходил в зону контроля, а следующий за ним немедленно занимал освободившееся окно. Этот ритм был отработан годами, и диспетчерская служба работала непрерывно, отстреливая в эфир позывные, назначая коридоры и выдавая разрешения. Лишь один раз в мерном потоке команд прозвучало что-то резкое, и чей-то незнакомый голос ответил диспетчеру с явным недовольством. Я не смог разобрать конкретных слов, но возмущённая интонация была абсолютно универсальной.

— Почему нас так долго держат? — вслух подумал я.

Харк, севшая в свой ложемент, невозмутимо взяла свой термос с подлокотника и сделала глоток, сохраняя вид что, у неё давно готов ответ на любой вопрос.

Глава 2

— Стандартная процедура. Система проводит верификацию моего торгового статуса, торгового патента, прогоняет манифест по базам и сверяет идентификатор корабля. Если обнаружится совпадение с любым вымпелом в стоп-листе — мы мгновенно получим отказ во входе и вызов досмотровой команды. Или сразу несколько пробоин из основного калибра.

— Мы в каком-нибудь стоп-листе?

— Конечно, нет, — она так же спокойно поставила термос обратно на панель, даже не удосужившись взглянуть в мою сторону. — Если бы были, здесь явно появляться не стоило.

Это прозвучало как голый факт, который я принял к сведению, немедленно перейдя к следующему вопросу:

— А что из себя представляет досмотровая команда?

На этот раз капитан наконец-то повернула голову и посмотрела на меня с выражением человека, получившего слишком очевидный вопрос.

— Отделение колониальной пехоты в полной выкладке и несколько офицеров таможни со сканерами. Они заходят на борт, проверяют заявленный груз и досматривают корабль на предмет запрещённого. Ищут контрабанду, незарегистрированные грузы, оружие или карантинные организмы — это золотой стандарт безопасности для любой крупной имперской станции.

— Они могут досматривать только потенциально опасные корабли или проводят плановые, выборочные осмотры тоже?

Харк чуть пожала плечом, и в этом жесте не было уклончивости, а лишь констатация того факта, что ситуация зависит от множества обстоятельств вне её контроля.

— Они в праве проводить полный досмотр хоть каждого звездолёта, который им по какой-либо причине показался подозрительным, но чаще всего ограничиваются внешним сканированием. Всё зависит от флага, груза, насколько в порядке документы и того, как давно торговец не появлялся в этом секторе. «Тэбити» здесь не было достаточно давно.

В её тоне не прозвучало ни малейшей тревоги, это была сухая информация к размышлению, которую я точно так же хладнокровно принял к сведению.

Обещанные восемь минут плавно растягивались в шестнадцать.

Диспетчер упорно молчал, пока наша верификация шла своим ходом где-то в недрах огромных станционных вычислителей, полностью без моего участия. Я продолжал сидеть в кресле, вглядываясь в обзорник, и впервые за всё время полёта почувствовал внутри себя нечто похожее на спокойное любопытство — это была не предстартовая тревога и не жгучее нетерпение, а ожидание, наполненное реальным содержанием.

Очередь на вход продолжала жить своей сложной механической жизнью. Прямо перед нами висел старый грузовоз, чей изношенный корпус скрывался под слоями подпалин и толстых заплат, красноречиво свидетельствующих о десятилетиях изнурительной работы. Один из его навигационных огней на правом борту мигал с раздражающе неравномерным интервалом — то ускоряясь, то замедляясь, словно где-то в цепи критически ослаб контакт, и никто из экипажа не торопился выходить в пустоту ради такого мелкого ремонта. Я смотрел на этот аритмично пульсирующий свет и отстранённо думал: интересно, а они вообще знают о поломке, или давно привыкли и просто не замечают её? На нашей «Тэбити» Кито обнаружил бы неисправность ровно через три минуты и обязательно сообщил бы об этом с той своей характерной интонацией усталого сарказма, весь смысл которой сводился к одной простой мысли: «Я это знаю, ты это знаешь, так давай просто сделаем вид, что ты сам до этого додумался».

Слева от старого грузовоза неподвижно висел корабль, по своим габаритам уступавший нам вдвое — судя по стремительному силуэту, это был типичный частник. Узкая, вытянутая носовая часть и два маршевых сопла в корме ясно говорили о том, что конструкция была ради-

кально оптимизирована под скорость и манёвр, а не под максимальную грузоподъёмность. Его корпус оставался практически тёмным, обходясь скудным навигационным минимумом, жёстко требуемым имперскими стандартами. Корабли подобного толка обычно не хотят привлекать к себе излишнее внимание, и дело тут вовсе не в контрабанде — это просто профессиональная привычка работать тихо, без лишних световых пятен. Я поймал себя на мысли о том наша «Тэбити» тоже выглядит схожим образом.

Диспетчерский аудиоканал извергал непрерывный поток данных, который я слушал лишь краем сознания, отслеживая общий рабочий ритм эфира. Позывной — короткая пауза — сухой ответ — следующий позывной. Иногда пауза на линии затягивалась, и тогда бесстрастный диспетчер повторял вызов с абсолютно той же ровной интонацией, не демонстрируя ни капли раздражения. Рутинная работа, ставшая автоматическим рефлексом станции. В какой-то момент сквозь белый шум пробилась короткая фраза на языке, который я так и не смог идентифицировать — гортанный, пересыпанный твёрдыми согласными диалект, совершенно не похожий на универсальный лубасири. Диспетчер мгновенно ответил на чистом универсальном, ровно и предельно чётко, используя ту ледяную интонацию властного контроля, которая не оставляет пространства для дискуссий. Повисла тяжёлая пауза, а затем тот же самый гортанный голос ответил снова, но уже гораздо короче и суше, признавая поражение, после чего оператор хладнокровно закрыл канал.

Харк стояла у обзорника, неторопливо попивая жидкость из термоса. Я иногда переводил на неё взгляд. Выражение олимпийского спокойствия само по себе служило важнейшей тактической информацией. Она видела бесконечные очереди сотни раз, поэтому её натренированное тело сейчас не держало внутри ни малейшего лишнего напряжения. Всё шло штатно, оставаясь в рамках жёсткой фронтальной нормы.

Это было не заурядное безупречное знание правил и не умение виртуозно пилотировать корабль, а именно способность находиться в режиме ожидания и не тратить на него ни капли внутренней энергии больше, чем оно объективно того стоит. Мне же это искусство пока давалось с заметным внутренним усилием, потому что разогнанный мозг универсала продолжал непрерывно работать. Пока мои глаза сканировали очередь кораблей, голова успела обойти сразу несколько вероятностных сценариев. Что могло бы произойти при физическом досмотре судна, как выглядит таинственный заказчик Мати Дрэнг, как технически устроен станционный ангар изнутри, и главное — есть ли на Калим-Тош хоть какое-то заведение, отдалённо напоминающее мирранский аналог и подают ли там тоор-ан.

О настоящей еде я сейчас думал гораздо чаще, чем следовало бы. До визита на Мирру поглощение пищи оставалось для меня исключительно биологической функцией. Стандартные пищевые таблетки из контейнеров исправно выполняли свою задачу, загружая в организм расчётную норму белка, углеводов и микроэлементов по строгим лекалам АИКА. Тело функционировало без сбоев. Мозг решал поставленные задачи. Всё было в абсолютном порядке. Но только после тоор-ана внезапно оказалось, что понятия «в порядке» и «хорошо» — это настолько несоизмеримые категории, а я прожил свою искусственную жизнь исключительно в первой, теперь же мне постоянно хотелось второй.

Я постоянно ярко вспоминал плотное, розоватое мясо, густой запах копчёного дерева, начисто лишённый рыбного духа, вспоминал обжигающий тиль-шо с его характерной ореховой горчинкой и последовавший за ним шаа-тиль — тёплый, чуть терпкий напиток, оставляющий после себя долгое мятно-травянистое послевкусие. Повар на обзорном ярусе тогда философски заметил, что торопить воду нельзя, и я совершенно не понял истинного смысла его слов, пока сам не попробовал этот вкус. Огромная станция такого масштаба просто физически не могла существовать исключительно на синтетических пайках. Там обязательно должны были находиться разумные существа, испытывающие потребность в настоящей еде, а экономика диктует простое правило — там где возникает спрос, немедленно появляется предложение. Оптимизи-

стичная гипотеза, и я твёрдо решил за неё держаться, тем более что унылая альтернатива в виде нашего корабельного камбуза с рядами пластиковых контейнеров вдоль стены не воодушевляла меня совершенно.

— Борт «Тэбити», ваш регистрационный код успешно подтверждён, — внезапно ожил голос диспетчера, разбивая тишину рубки. — Торговая лицензия признана действительной, манифест груза принят к обработке. Назначаю процедуру внешнего сканирования перед выдачей разрешения на вход. Строго удерживайте текущую позицию, сканирующий модуль выйдет на вашу орбиту через три минуты. Сразу после завершения сканирования вы получите окончательное подтверждение стыковки или официальный запрос на физический досмотр борта.

— Принято и подтверждаю, — коротко бросил я в открытый канал связи.

Харк едва заметно кивнула и вдруг указала на юркий челнок.

— Вон он, смотри, — усмехнулась она. — Ты хотел видеть досмотровую партию. Это они и есть.

Я отметил маркером челнок и искинт немедленно выдал справку.

Принадлежность борта: Имперская Колониальная Администрация.

MPT-38 «Странник»

Класс: многоцелевой всеатмосферный космический челнок

Роль: перевозка пассажиров и груза между поверхностью, орбитой и объектами системы

Производитель: Пустотные Мануфактуры Дома Иадо / Вабарна-Тех по лицензии

Габариты

Длина: 34 м

Ширина: 18 м

Высота: 8,5 м

Сухая масса: 95 т

Максимальная взлётная масса: 155 т

Силовая установка: 1 реакторный модуль на гелии-3

Двигатели и ход

Двигательная схема: 2 каскадных двигателя переменного режима

Атмосферная крейсерская скорость: 800–900 км/ч

Максимальная скорость в атмосфере: до 1300 км/ч

Штатное космическое ускорение: до 0,6 g

Форсированное ускорение: до 1,2 g

Гиперпространственный привод: отсутствует

Экипаж и пассажировместимость:

Минимальный экипаж: 1 пилот (с управлением через нейроинтерфейс или резервные ручные органы)

Полный экипаж: 1 пилот, 1 бортинженер (для длительных рейсов)

Пассажиры: до 20 в пассажирской конфигурации с креслами-капсулами

Грузовая конфигурация: до 50 тонн полезной нагрузки

Смешанная конфигурация: 10 пассажиров + 25 тонн груза

Корпус:

Наборный каркас из тифтония, обшивка из керамопласта и композитных панелей. Общая толщина брони — 3,5 см эквивалента тифтония по передней полусфере, 1,5 см — по остальным. Конструкция рассчитана на микрометеоритную защиту, воздействие плотной атмосферы и небольшие осколочные попадания.

Щиты: Отсутствуют. Вместо них — усиленная конструкция корпуса и аварийные противоперегрузочные кресла. (Военные модификации могут оснащаться лёгкими дефлекторными щитами, но это не входит в базовую спецификацию.)

Дополнительная защита:

- Система аварийного сброса топлива и реакторных модулей
- Противоперегрузочные кресла с интегрированными гасителями инерции (при штатной работе гасители снижают перегрузку до 3–5g для экипажа)

— Герметичный корпус, пригодный для работы в вакууме и токсичных средах

Вооружение

В базовой конфигурации отсутствует. На шаттле предусмотрены точки крепления для внешних подвесок (до четырёх узлов) и возможность установки сменных оборонительных модулей:

- Блоки отстрела ложных целей
- Контейнеры с дымовыми/аэрозольными завесами
- (только для военных заказов) два легких лазерных турельных блока «Монолит»

Установка вооружения требует сертификации пилота и исключает перевозку пассажиров в грузовом отсеке.

Сенсорика и связь

Навигационно-пилотажный комплекс:

- Микроволновый радар дальностью до 5000км (в космосе)
- Тепловизоры и камеры видимого диапазона с 30-кратным увеличением
- Гравитационные детекторы для обнаружения крупных объектов и опасных зон
- Лазерный высотомер (точность до 10см в атмосфере)
- Система автоматической посадки по маякам

Связь:

— Тахионный коммуникационный блок (дальность связи — до 50 а. е., с ретрансляцией по всей планетной системе)

- Резервные радиочастотные каналы для атмосферной связи
- Интерфейс сопряжения с нейросетью пилота (стандартный имперский протокол)

Специальные системы

Гасители инерции:

Интегрированы в кресла экипажа и пассажиров, частично компенсируют перегрузки при манёврах. В случае отказа — аварийные противоперегрузочные костюмы (хранятся в бортовых шкафах).

Автопилот:

Программируемый автопилот с поддержкой стандартных маршрутов, автоматической стыковкой с орбитальными станциями и посадкой по радиомаякам. Может управляться голосовыми командами через нейросеть пилота.

Модульность:

Шаттл выпускается в трёх основных заводских модификациях, отличающихся внутренней компоновкой:

- Пассажирская — 20 кресел-капсул, багажные отсеки, малый грузовой отсек (5 т)
- Грузовая — увеличенный грузовой отсек (50 т), кран-манипулятор, грузовая рампа
- Комбинированная — 10 кресел + 25 т груза

Замена конфигурации производится на сертифицированных станциях технического обслуживания и занимает от 4 до 8 часов.

Описание

Шаттл МРТ-38 «Странник» разработан Пустотными Мануфактурами Дома Иадо в сотрудничестве с корпорацией «Вабарна-Тех» как универсальное средство доставки грузов и пассажиров между орбитой и поверхностью, а также для внутрисистемных перелётов. Машина пришла на смену устаревшим образцам колониальной эпохи и быстро завоевала популярность благодаря сочетанию надёжности, экономичности и простоты обслуживания.

Конструкторы сделали ставку на максимальную унификацию узлов с существующими военными и гражданскими кораблями: силовая установка использует стандартные реакторы на гелии-3, каскадные ионные двигатели — основу досветового флота Империи, системы управления совместимы с интерфейсами нейросетей имперских производителей.

Корпус шаттла собран по классической схеме: силовой каркас из тифтония, обшивка из керамопласта. Внешние панели рассчитаны на многократное прохождение плотных слоёв атмосферы без теплозащитного покрытия — тепловой режим обеспечивается конструкцией самого корпуса и системой активного охлаждения.

Особенностью «Странника» является модульная компоновка внутреннего объёма, позволяющая менять назначение машины в зависимости от задачи. Надёжность и неприхотливость сделали МРТ-38 излюбленным транспортом колониальной администрации и подразделений флота (в роли вспомогательных внутрисистемных транспортников).

Шаттл способен эксплуатироваться в широком диапазоне условий: от плотной атмосферы земного типа до вакуума и токсичных сред. Встроенная система жизнеобеспечения позволяет экипажу и пассажирам находиться на борту до 6 суток без внешних ресурсов, что достаточно для большинства внутрисистемных миссий.

Несмотря на отсутствие штатного вооружения и силовых щитов, «Странник» ценится за высокую живучесть, простоту ремонта в полевых условиях и способность работать практически с любых типов посадочных площадок.

Следующие три минуты я осмыслил полученную информацию и не отрываясь смотрел на отведённую нам зону контроля, где прямо сейчас деловито работал тот самый сканирующий модуль. Это был небольшой, приплюснутый, многоугольный беспилотный дрон с характерными, агрессивно торчащими выступами разнообразных сенсорных антенн по всему периметру тёмного панциря. Он описывал широкую, математически идеальную спираль вокруг соседнего старого грузовоза — двигался медленно, без малейшей суеты и спешки, с запрограммированной выверенной методичностью, которая безошибочно выдавала работу холодного искусственного интеллекта, а не живого пилота внутри. Я внимательно наблюдал за его траекторией и пытался вычислить, что именно он способен разглядеть в недрах корабля? Какой конкретно спектр сканирования сейчас используется таможней? Тепловой, радиационный, масс-спектрометрический анализ содержимого трюмов — или же он бьёт всеми частотами одновременно, прошивая толстую броню насквозь, а не просто скользя детекторами по внешнему контуру защиты?

Глава 3

На станции клонирования нас сканировали постоянно, прогоняя через узкие диагностические рамки, установленных даже не в медотсеке, а просто на выходе из жилой секции, фиксируя контрольными точками по всему периметру жилого блока. Там, в стерильных академических коридорах, сканирование всегда было направлено исключительно внутрь, безжалостно считывая состояние свежесозданных клонов, малейшие сдвиги биохимии и нестабильные психологические паттерны, тогда как здесь, в открытом космосе перед шлюзами торговой станции, всё работало совершенно иначе. Вектор контроля сместился наружу, воспринимая наш корабль как цельный неодушевлённый объект, где существо внутри оболочки не имело никакого значения до тех пор, пока сама эта оболочка не пройдёт проверку по всей строгости другой, куда более прагматичной имперской логики.

Автоматический сканирующий модуль, покончив с висевшим впереди пузатым грузовозом, неторопливо и плавно двинулся в нашу сторону.

— Не ускоряться, не менять режим реактора, не открывать внешние шлюзы, — ровным голосом перечислила Харк стандартный протокол безопасности, хотя мы оба прекрасно знали эти правила.

— Так точно, капитан, — отозвался я, послушно.

Дрон зашёл строго с носа и начал выписывать вокруг корпуса методичную, математическую спираль, а я провожал его взглядом через главный обзорник, отмечая эту маленькую, деловитую машину, лишённую малейших лишних движений. Когда аппарат скрылся за изгибом кормы, я на несколько томительных секунд потерял его из вида, но вскоре снова поймал в объективы камер, едва он вырулил и поплыл вдоль нашего правого борта, где внезапно и очень заметно замедлил свой ход.

Он притормозил именно в том самом месте, где темнела свежая заплатка — кусок металла, который Кито наварил на обшивку «Рикса» после недавней стычки с пиратами. Заплата была наложена аккуратно, строго по размеру пробоины, но её свежесть и неизбежно отличающийся от остального корпуса коэффициент отражения явно привлекли внимание сенсоров, заставив дрон зависнуть над проблемным участком на несколько лишних, тягучих секунд. Я неотрывно следил за его манипуляторами, чувствуя, как внутри нарастает холодное напряжение, пока мозг лихорадочно перебирал варианты: зарегистрирована ли эта заплатка в полётном манифесте как допустимое повреждение? Диспетчер до этого утверждал, что внешние повреждения находятся в норме, так что, по идее, всё должно было обойтись, а заминка дрона означала лишь рутинную отработку алгоритма, обязанного тщательно проверять любые нестандартные зоны корпуса.

Спустя мгновение модуль, словно подтверждая мои логические выкладки, плавно скользнул дальше.

Его следующая задержка произошла у блоков гипердрайва, чьи специфические энергетические сигнатуры алгоритм тоже был обязан тщательно зафиксировать и внести в реестр. Мощный гипердвигатель третьего класса на обыкновенном торговом звездолёте сам по себе являлся весьма ценной информацией для таможенных служб и корпоративных аналитиков, и я отчётливо видел, как сканер дважды облетел кормовую секцию, словно принимаясь к излучению, прежде чем окончательно успокоиться и двинуться по маршруту. Вопреки моим ожиданиям, один из грузовых трюмов с готовым к бою перехватчиком внутри, заминок у таможенного дрона не вызвал. Наконец он вернулся к носовой части и замер, уложившись ровно в семь стандартных минут досмотра.

— Сканирование завершено, внешних несоответствий не обнаружено, — сухо и безэмоционально произнёс голос станционного диспетчера в коммуникаторе. — Корпусные повре-

ждения находятся в допустимых пределах и отмечены в протоколе как штатные ремонтные работы, груз полностью соответствует заявленному манифесту по объёму и массе, так что внутренний досмотр не требуется. Разрешение на вход получено, ваш сектор — ангарный блок номер семь, посадочная позиция семнадцать. Следуйте на ведущий маяк.

Мгновением позже на тактическом экране вспыхнул пульсирующий навигационный маяк, прочертив тонкую зелёную путевую линию от нашей текущей точки зависания прямым ходом к входному проёму станции. Харк с тихим стуком опустила на металлическую свой термос в держатель и обернулась ко мне, делая это без всякой суеты, с невозмутимым видом.

— Давай, Ар, — сказала она. — Покажи, как ты умеешь.

Я перевёл взгляд на неё, встретив такое же спокойное, лишённое всякой вопросительной интонации выражение лица.

— Понял, капитан — коротко ответил я. — Сделаю.

— Держи самый малый ход вплоть до второго шлюзового проёма, — напутствовала она, пока я устраивался в кресле. — Внутри коридор снижения абсолютно прямой, но местный трафик всегда очень плотный, поэтому внимательно следи за соседями по потоку, а не только за линией навигационного маяка.

— Так точно, капитан, — подтвердил я, пробежавшись взглядом по приборной панели.

— И не вздумай торопиться, — веско добавила Харк, опираясь рукой о спинку моего кресла. — В таких местах никто не оценит твой красивый и быстрый заход, потому что здесь ценят исключительно аккуратность и предсказуемость маневра.

Это был не вопрос и не совет, а просто ещё один непреложный факт жизни на фронтире.

Я привычно принял управление, и интерфейсный кабель нейрошунта с мягким щелчком встал в шейное гнездо, отозвавшись знакомым фантомным уколом прямо под черепом. После короткой, растянувшейся на удар сердца секунды адаптации, тяжёлая туша «Тэбити» стала осязаемой, вливаясь в мою нервную систему плотным массивом телеметрических данных. Мой разогнанный мозг мгновенно обработал этот поток, выдав однозначный результат — корабль находился в полном порядке и покорно ждал команд.

Запросив у станционного диспетчера финальное подтверждение маршрута и получив короткий цифровой импульс согласия, я плавно вывел маршевые двигатели на малый ход. «Тэбити» послушно тронулась с места, передав первый мягкий толчок ускорения прямо мне в позвоночник, и наш массивный грузовоз неторопливо поплыл вперёд, встраиваясь в медленную очередь кораблей, тянущуюся в зону орбитального контроля.

За то время, пока станционная автоматика сканировала нашу обшивку, живая очередь успела заметно поредеть, и теперь прямо передо мной маячил лишь один громоздкий транспортник, чьи габариты были чуть шире наших. Он заходил в створ станции нарочито медленно, двигаясь с той особой, тяжеловесной уверенностью, которая полностью исключала любые резкие или непродуманные рывки. Я внимательно наблюдал за его манёвром через оптику, отмечая про себя идеальную работу с узким проёмом. Пилот не допускал ни малейшей спешки, постоянно и ювелирно контролировал боковые зазоры, а его линейная скорость была погашена до абсолютного безопасного минимума. За штурвалом явно сидел матёрый пустотник, и я мысленно взял его безупречную технику на заметку, стараясь перенять этот спокойный ритм. Тяжёлый транспортник окончательно исчез во внутреннем зеве станции, его тусклый кормовой навигационный огонь мигнул в последний раз у стальной кромки проёма и растворился во мраке.

Настала наша очередь шагать в эту искусственную пещеру.

Внешний проём приближался томительно медленно, поскольку я жёстко держал малый ход, намеренно давая себе время как следует осмотреться и сродниться с габаритами корабля в тесном пространстве. Снаружи, на фоне угольно-чёрного космоса, этот шлюз казался простым прямоугольным отверстием, вырезанным в циклопическом корпусе станции и обведённым

по периметру пульсирующими жёлтыми навигационными полосами. Однако по мере нашего неуклонного сближения эта непроницаемая темнота начала обретать плоть и глубину. Изнутри пробивался резкий промышленный белый свет, выхватывая смутные силуэты пришвартованных звездолётов и крошечные, едва различимые фигурки людей, снующих по металлической палубе где-то далеко внизу. Маневровые двигатели отозвались чутким покалыванием в пальцах, когда я микроскопическим усилием подправил курс на половину градуса влево, ювелирно компенсируя небольшой гравитационный снос от вращения гигантской конструкции. Подключенный напрямую к коре мозга нейрошунт гнал сырую телеметрию без малейшей задержки, транслируя точную дистанцию до левой и правой кромок проёма, а также высчитывая безопасный вертикальный зазор над верхней палубой и под килем.

— Зазоры в норме, капитан, — проговорил я вслух, скорее для собственного успокоения, чтобы снять лёгкое напряжение с голосовых связок.

Харк даже не обернулась на мой голос, но я краем глаза заметил, как она чуть подалась вперёд, плавно перенесла вес тела с пяток на носки, и склонилась ближе к обзорному экрану, молчаливо и цепко следя за нашим сближением вместе со мной.

— Держи ровно по центру, — тихо предупредила она. — При самом входе вырывающийся изнутри воздушный поток неизбежно даст плотное давление на носовую часть, так что будь готов парировать.

Я кивнул, подбираясь и готовясь отработать маневровыми. Первый внешний проём проглотил тушу «Тэбити», и огромное пространство космоса мгновенно отрезало толстым металлом, сомкнувшись прямо за нашей кормой. Я ощутил этот момент изоляции через нейрошунт на долю секунды раньше, чем датчики кормовых камер вывели картинку на экраны. Массивные, усиленные керамопластом и тифтением бронированные створки сошлись вместе, движимые колоссальными сервоприводами, которые работали с неотвратимой, пугающей медлительностью. Мы оказались заперты в тесном переходном шлюзовом отсеке, представляющем собой узкий, вытянутый метров на сорок металлический коридор с давяще низким потолком, нависающим прямо над нашими верхними антеннами. Освещение здесь разительно отличалось от того, что ждало нас впереди. Вместо слепящего рабочего белого заливающего света, пространство тонуло в тусклом, тревожном жёлто-оранжевом мареве дежурных ламп, разбавленном лишь бегущими вдоль пола яркими полосами направляющих индикаторов.

Корабль замер, удерживаемый маневровыми соплами на минимально возможном ходу, в почти полной неподвижности упираясь носом в глухую стену второго, наглухо закрытого проёма.

— Идёт цикл шлюзования, — бросила Харк, по-прежнему не отрываясь от обзорника. — Сейчас автоматика выравнивает атмосферное давление и закачивает дыхательную смесь в этот отсек. Процесс займёт минуту, может быть, полторы.

— Это всегда так долго, капитан? — поинтересовался я, глядя на мигающие индикаторы внешней среды.

— На каждой приличной станции, — она чуть пренебрежительно повела плечом, словно вспомнив места, где с такими правилами не церемонились. — Без этого буфера ты бы своим прибытием внёс в жилой ангар взрывную волну вакуума, а там, между прочим, живые люди работают без полной защиты.

— Логично, — признал я, оценив прагматичность конструкции.

— Дело привычки, — хмыкнула она. — Пройдёшь через такие шлюзы десяток-другой раз, и вообще перестанешь замечать задержку.

Я снова кивнул и перевёл фокус внимания на побежавшие по дисплею цифры показателей внешней среды, наблюдая, как забортное давление меняется тягуче и равномерно, медленно поднимаясь с абсолютного вакуумного нуля до стандартной станционной отметки. Ещё при самом заходе я успел уловить на внешней кромке первого проёма специфическое визу-

альное марево, безошибочно выдающее работу мощного дефлекторного поля, которое грубой силой удерживало атмосферу от утечки в космос до того момента, пока механические створки не встали в пазы. Теперь же, когда шлюз был надёжно заперт, силовое поле отключили, и выравнивание давления теперь шло через обычную систему подачи. В ожидании окончания цикла я разглядывал фактуру переборок шлюзового коридора, вдоль боковых панелей которого змеились толстые кабельные жгуты в защитных кожухах и массивные трубопроводы, чья часть покрылась лёгким белёсым инеем от протекающих внутри криогенных жидкостей. Прямо под низким потолком, выстроившись в строгий геометрический ряд, мерцали холодным светом сенсоры, бесстрастно уставившиеся своими линзами прямо на наш корпус, то ли проводя дополнительное внутреннее сканирование после досмотра внешнего модуля, то ли просто выполняя рутинный мониторинг габаритов, чтобы убедиться, что грузовоз не притёрся брюхом к металлу.

Время тянулось густыми каплями, но наконец индикаторы моргнули зелёным, подтверждая, что внешнее давление достигло заданной нормы.

Второй проём начал открываться всё с той же пугающей монументальностью, сопровождаемой низким, утробным гулом огромных приводов, который передался мне через нейрошунт в виде тупой вибрации в пояснице за мгновение до того, как звук физически достиг ушей сквозь переборки. Эти исполинские бронированные створки, по толщине равные нескольким слоям тяжёлого корабельного корпуса, неохотно расходились в стороны с неторопливой, сокрушительной уверенностью сверхтяжёлой техники, которой абсолютно некуда и незачем спешить. Вдоль расходящихся гермозатворов тревожно горели узкие красные полосы габаритных индикаторов, которые синхронно переключились в разрешающий зелёный спектр ровно в тот момент, когда шлюз распахнулся до упора.

И оттуда ударил свет. Я совершенно не ожидал, что этот удар по оптическим рецепторам окажется настолько резким и болезненным, но после давящей жёлто-оранжевой полутьмы переходного отсека ослепительно-белый, выжигающий малейшие тени промышленный свет основного ангара встретил глаза как хлесткая пощёчина. Первую, самую долгую секунду я фиксировал лишь расплывающиеся белёсые пятна и ломаные контуры огромных объектов, пока зрачки судорожно сужались, пытаясь адаптироваться к новой яркости, а затем хаотичная мозаика наконец сложилась в ясную, но пугающую масштабами картину.

Гигантский ангар открылся перед нами. Его колоссальный сводчатый потолок уходил вверх метров на двадцать с лишним, ошестинившись массивными металлическими фермами мостовых подъёмных кранов, которые тянулись поперёк всего доступного пространства, и прямо сейчас под одной из таких ферм с медлительной грацией полз стальной крюк, бережно удерживая на тросах некий крупногабаритный груз. Заливающее пространство освещение било одновременно с высоты и со всех боковых панелей, создавая стерильную, бестеневую среду, продиктованную суровой промышленной логикой фронта, где случайные слепые зоны всегда стоили денег, а неосторожным докерам — их жизней.

Вдоль широкого прохода замерли пришвартованные корабли. Справа от нашей путевой линии я сразу выхватил взглядом хищный силуэт патрульного корвета, чей класс безошибочно считывался по характерно приплюснутому, аэродинамичному корпусу, раскиданным вдоль бортов маскировочным радиопоглощающим панелям и антеннам мощного сенсорного комплекса, сейчас компактно сложенным по-стояночному. Типичный рабочий звездолёт. Небольшой, исключительно юркий и с минимальным вооружением, идеально подходящая для рутинного патрулирования или скоростной разведки. Сейчас корвет отдыхал на опорах с настежь распахнутым технологическим люком в кормовой части, в недрах которого деловито копошились двое техников в испачканных рабочих скафандрах, судя по характерным позам, внося коррективы в работу каскадного ионного двигателя. На потёртом броневом листе красовалась незнакомая мне эмблема — очевидно, судно принадлежало частной компании или независи-

мому оператору, а не Имперскому Флоту. Его корпус пестрел мелкой вязью царапин и парой аккуратных заплат, но общее состояние говорило о том, что хозяева следят за своей машиной с невероятной тщательностью.

Глава 4

Слева на опорах тяжело покоилось нечто куда более массивное — тяжёлый грузовой транспортник с неестественно широким, раздутым брюхом, которое в данный момент зияло темнотой распаханного грузового люка с опущенной до самой палубы широкой рампой. В его недрах не угадывалось никакого движения, и было совершенно неясно, успели ли грузчики уже выпотрошить трюмы, или долгая вахта разгрузки даже не начиналась, но по ребристому металлу пандуса как раз медленно и со скрежетом скатывался пустой платформенный погрузчик, отправляясь за очередной партией.

Зелёная точка навигационного маяка неумолимо вела нас к посадочной позиции номер семнадцать, втиснутой в средней части ангара, аккурат между корветом и пузатым транспортником. Прогнав данные через интерфейс, я быстро прикинул в уме векторы: свободного пространства оставалось более чем достаточно, траектория захода была прямой как струна, и ни один внезапный объект не перекрывал выделенный коридор финального снижения.

Я плавно перевёл маршевые ионники в жёсткий режим торможения, отчего давящая пульсация в пояснице мгновенно изменила свой ритм, превратившись в дробную, лихорадочную вибрацию, похожую на учащённое сердцебиение. Маневровые сопла намертво держали идеальную горизонталь, пока рифлёная металлическая палуба неумолимо надвигалась на нас снизу, расчерченная строгими линиями флуоресцентной навигационной разметки и усеянная глубокими пазами крепёжных точек по всему периметру посадочного прямоугольника. Эта разметка стремительно сходилась прямо под нашим килем, а тяжелая «Тэбити» опускалась ровно, без малейших боковых смещений, пока я гасил инерцию и осязал каждую микрокоррекцию кончиками пальцев, интуитивно добавляя импульс чуть вправо, затем чуть назад, чтобы ювелирно зафиксировать многотонную массу в пространстве.

До истерзанного палубного металла оставалось не более двадцати метров, когда я мысленным приказом немного добавил тяги, заставив корабль ощутимо замедлить своё падение. На отметке в пятнадцать метров я ещё чуть увеличил мощность, а когда альтиметр отсчитал десять, вертикальная скорость снижения упала до предусмотренного протоколами безопасного минимума. Харк за моей спиной хранила непроницаемое молчание, и в этой напряжённой тишине крылось гораздо больше значения, чем в любых пространственных комментариях.

На пяти метрах я заставил корабль полностью зависнуть, и, как только он замер, чисто символически снизил тягу, позволяя Тэбити опускаться под тяжестью собственного веса — медленно, контролируемо, без единого судорожного рывка. Три метра. Два.

Массивные гидравлические опоры «Тэбити» встретились с палубой. Сначала глухой удар приняли кормовые стойки, а следом за ними мягко приложились носовые. Четыре чётких, раздельных касания, прошедших одно за другим с разницей в жалкую долю секунды, ознаменовали не грубый удар, а исключительно мягкую, филигранно продуманную посадку. Грузовоз осел на собственной гидравлике, принявшей на себя весь вес, и нейрошунт мгновенно транслировал это механическое напряжение в мой мозг как лёгкое, расходящееся волной давление по всему телу снизу вверх — наш корабль сел.

Я окончательно заглушил маршевые двигатели, и зудящее покалывание в пояснице растворилось без следа.

Харк выдержала паузу ещё в несколько долгих секунд, цепко сканируя взглядом через обзорник нашу позицию, дистанцию до соседних бортов и общую геометрию корабля на стоянке. Убедившись, что всё сделано чисто, она наконец повернулась и встретилась со мной прямым, оценивающим взглядом.

— Хорошо... — обронила она.

— Первый раз завожу звездолёт в закрытый ангар, — зачем-то сообщил я, облизнув губы и сбрасывая остаточное напряжение. — Не считая симуляторов.

— Знаю, — отрезала она, уже отворачиваясь к тактическому экрану, чтобы проверить пакеты данных. — Именно поэтому и говорю.

Больше она не добавила ни слова, но этого было более чем достаточно. Я мысленным усилием разорвал связь и отключился от нейрошунта, переживая короткую секунду лёгкой дезориентации, пока сознание возвращалось из металла обратно в границы собственного тела.

Ну что ж. Теперь внутрь.

Харк легко поднялась из ложемента, привычным пружинистым движением одёрнула куртку, разглаживая несуществующие складки на плотной ткани пустотной формы.

— Всем оставаться на борту до прихода досмотровой команды, — бросила она, даже не обернувшись ко мне. — Диспетчер сказал, у нас есть двадцать минут. Попытайся использовать их с пользой.

На это пожелание оставлось только кивнуть и отвести:

— Так точно, капитан.

Как только за ней сомкнулась створка шлюза, мостик погрузился в рабочую тишину, а я остался один на один с пультом, методично переводя системы в режим стоянки. Пальцы поочерёдно гасили навигационные контуры, отправляя маршевые двигатели на глухой ноль, переводя маневровые дюзы в спящий режим и сглаживая мощность щитов до минимальных значений. Это была уже знакомая, въевшаяся в моторику рутина, когда руки безошибочно скользят по сенсорам сами, оставляя голову совершенно пустой и свободной для сторонних мыслей. Я вдруг осознал, что впервые провожу полный перевод систем в холодный режим на чужой станции абсолютно самостоятельно. На «Риксе» всё проделала капитан и искинт. Теперь же я все операции произвёл самостоятельно, никто не дышал мне в затылок и не контролировал углы отклонения, и эта крошечная деталь прочно осела в сознании, отделив статус стажёра от статуса полноценного второго пилота.

На главном обзорном экране рубки разворачивался отлаженный индустриальный пейзаж нутра ангара пустотной станции постоянного проживания. Вдоль соседнего борта медленно и тяжело полз погрузчик, сжимая в захватах массивный контейнер, а его водитель безучастно смотрел прямо перед собой с тем мёртвым, остекленевшим выражением лица, какое бывает только у людей, намотавших по этому маршруту не одну тысячу кругов. Чуть дальше двое техников в потёртых рабочих скафандрах с натугой вытягивали толстый кабельный пучок из-под брюха чужого фраговщика. На самом дальнем конце ангарного рукава кто-то сваривал разошедшийся борт, отчего по металлическим стенам с равными интервалами били слепящие синеватые вспышки, заставляя длинные изломанные тени судорожно дёргаться в неровном ритме вспышек плазменного резака.

Я смотрел на этот равнодушный индустриальный муравейник и кожей чувствовал, что местная жизнь бесперебойно крутилась здесь до нашего появления и точно так же продолжится, когда мы уйдём. А где-то там, за тяжёлыми бронестворками этого герметичного блока, раскинулся настоящий Калим-Тош, огромный и пока совершенно недостижимый.

Спустя три минуты тишину мостика нарушил Риваш, точнее, он просто материализовался в дверном проёме, потому что его магнитные ступни работали с пугающей плавностью, почти без характерных металлических щелчков. Снежно-белый мундир всплыл в поле моего периферийного зрения раньше, чем уши уловили хоть какой-то звук шагов. Высокий строгий цилиндр сидел на его голове абсолютно ровно, а два холодных голубых огня оптических сенсоров упёрлись в меня с тем специфическим, лишённым всякого интереса превосходством, с каким обычно рассматривают внезапно подавший голос предмет интерьера.

— Не могу связаться с капитаном. Она на борту? — его голос прозвучал так же ровно, как гудели стабилизаторы напряжения под полом.

— В каюте, скорее всего, — я откинулся на спинку, разворачивая мысленным усилием ложемент к бортоврачу.

— Сообщите ей, что медотсек остро нуждается в пополнении расходных материалов, список необходимых позиций я уже скомпилировал. Приоритетными являются коагулянты, анестетики второго уровня и регенеративные пластыри, поскольку после событий на Мирре мои запасы находятся на критическом уровне.

Я смерил его долгим взглядом, пытаясь уловить хоть какую-то эмоцию за этой идеальной стерильностью.

— А сами вы не можете ей об этом сообщить?

Возникла плотная осязаемая пауза, во время которой голубые огни его оптики неуловимо изменили угол наклона, словно перенастраивая фокус. Риваш медленно, с элегантностью сложил руки перед грудью.

— Разумеется, могу. Но я предпочитаю решать подобные вопросы через надлежащие каналы связи, а не нарушать субординацию, бесцеремонно врываясь в личное пространство капитана.

Я выслушивал его гладкие, безупречно выстроенные формулировки и отчётливо понимал, что он абсолютно прав по форме и совершенно неправ по сути, и мы оба прекрасно осознавали эту игру, из-за чего диалог и принимал такую извращённую форму.

— Вы стоите в дверях мостика и просите меня, второго пилота, пойти и передать сообщение, — медленно проговорил я. — Это, по-вашему, и есть надлежащий канал связи?

Риваш не удостоил меня ответом, он просто застыл в ожидании, направив два синих луча ровно в переносицу, прямо между моими глазами. Вцепившись взглядом в его лицо, я вдруг с неприятным холодком осознал, что он вообще не моргает, по крайней мере, его диафрагмы не сокращались в том рваном, естественном ритме, который свойственен живым существам. Его оптика просто сверлила пространство непрерывным ровным потоком света, и в этом непрекращающемся взгляде не было ни единой капли человеческого, хотя весь его внешний облик, осанка и жесты были выстроены словно передо мной органическое существо. Из-за этого стало немного жутковато.

Сдавшись под этим механическим напором, я тяжело поднялся из ложемента и двинулся в недра корабля на поиски Харк. Пока ботинки отсчитывали метры палубного настила, я прокручивал в голове нашу стычку. Технически Риваш ни о чём меня не просил, он просто уведомил о существующей потребности медотсека, а это совершенно иная юридическая плоскость, и этот ублюдок прекрасно знал, что я вижу разницу.

Харк обнаружилась в главном коридоре, она быстрым, тяжёлым шагом двигалась от своей каюты в сторону грузового трюма, явно поглощённая предстоящей суматохой. Я прибавил ходу, нагнал её у переборки и в точности пересказал требования нашего медика.

— Скажи ему, что всё только после разгрузки, — коротко бросила она, даже не подумав замедлить шаг и не повернув головы. — Вот когда получим на руки реальную оплату от Дрэнга, тогда и посмотрим, что он там накидал в своём списке. Пока не до того.

Пришлось разворачиваться и проделать обратный путь на мостик, где Риваш продолжал стоять ровно в той же точке и в той же позе, словно вмонтированный в палубу истукан. Я передал ему слова капитана, наблюдая, как длинные светлые пальцы медика чуть сильнее сомкнулись в замок на уровне груди.

— Оплата от Дрэнга, — эхом отозвался Риваш, и его цилиндр увенчал едва заметный, снисходительный наклон головы. — Предельно понятно. Могу я тогда уточнить? Насколько, по вашему мнению, вероятна ситуация, при которой членам экипажа экстренно потребуется медицинская помощь ещё до момента получения этой пресловутой оплаты?

— Здесь, на станции? — я скептически хмыкнул. — Крайне маловероятно...

— Находясь на борту этого конкретного корабля, я давно перестал классифицировать вероятность любого происшествия как «маловероятную», — парировал он с идеальной интонационной ровностью. — Вы не задумывались, искусственник, почему у вас на бедре кобура с гаусс-револьвером? Кобура с личным оружием у вас уже есть, а ведь комплекта сменного нижнего белья вам ещё не выдали. Кроме того, инцидент на Мирре служит весьма весомым аргументом в пользу моей позиции.

Слова застряли у меня в горле, потому что крыть эту железобетонную логику было совершенно нечем. Дроид изложил факты, и мы оба прекрасно понимали, что статистика травм на нашем корыте играет за него.

— Я передам ваш список капитану, — процедил я.

— Уже передали, — Риваш плавно развернулся к выходу, и его безупречный белый мундир качнулся в тусклом свете коридорных ламп. — Я только что успешно сделал это через вас.

Он на секунду замер на самом пороге, даже не пытаясь обернуться через плечо.

— Спасибо за содействие.

Я смотрел в пустой дверной проём и с кривой усмешкой думал о том, что у нашего медика есть один поистине уникальный дар. Умел он обрывать разговор так, что собеседник до самого конца не мог осознать, то ли он выиграл этот раунд, то ли просто его закончил. Скорее всего, в его процессоре оба эти варианта существовали одновременно.

Не успел воздух на мостике успокоиться, как из смежной мастерской вынырнул Кито, сжимая в своих длинных, узловатых синих пальцах информационный планшет.

— Ар! — хрипло окликнул он меня. — У меня тут собран список по расходникам, и три позиции в нём абсолютно критические, без них плановое обслуживание реактора мне не завершить. Скажи Харк.

Мои руки потянулись и машинально забрали планшет ещё до того, как разум успел возмутиться и перевернуть абсурдность происходящего.

— Почему вы все идёте с этим ко мне? — вырвалось у меня с нескрываемой досадой.

— Думаю, потому что ты второй пилот, — невозмутимо ответил Кито, постукивая сухим пальцем по краю экрана и даже не пытаясь поднять на меня глаза. — Ты находишься ровно между нами и капитаном. Это твоя функция по штатному расписанию.

— Моя функция — пилотировать...

— И передавать информацию. Потому что мы сели и связи пока нет, — парировал механик, кивком указывая на зажатый в моих руках экран. — Там три позиции. Без них я закрою реактор только условно, с пометкой в логах. Харк это очень не понравится, когда ты сядешь в ложемент снова. Выйдет задержка вылета, мы заплатим лишние кредиты за стоянку. Думаешь, с кого она спросит?

Я молча вопросительно вскинул бровь.

— Желлия спросит сначала с меня...

Я согласно кивнул.

— Думаешь, что я ей отвечу?

Я со вздохом опустил взгляд, пробегаясь глазами по трем строчкам сложной технической номенклатуры: охлаждающий контур, узлы системы подачи, а дальше шли маркировки, которые я уже физически не мог опознать без справочника или установленной нейросети с соответствующими базами.

— Хорошо. Я скажу ей.

— И ещё...

Кито не торопился уходить. Он переступил с ноги на ногу и впервые за разговор вперил в меня тяжёлый, выжидающий взгляд.

— Что ещё?

— Мне нужна медная трубка. Двенадцать миллиметров, метр двадцать. Это для аппарата. Та, что стоит сейчас, пошла трещиной, а пластырь из изолирующей гермоленты — не вечный. Кроме того... Вкус...

Ну конечно Медная трубка для аппарата. Мозговые шестерёнки мгновенно провернулись, автоматически отделив нужды корабельной силовой установки от сугубо личных интересов механика, заставляя задуматься над тем, как близко иногда могут в ведомости встать нужды реактора термоядерного синтеза и самогонного аппарата.

— Это мне тоже в список вписать? — спросил я.

— Это я передал устно. Только тебе, как нашему второму пилоту, Ар, — Кито ловко вытянул планшет обратно из моих пальцев. — Думаю, не обязательно докладывать капитану именно этот пункт. Небольшое офицерское хобби не должно попадать в капитанскую зону ответственности. Или ты думаешь иначе?

С этим напутствием он с ироничной ухмылочкой развернулся и скрылся за створками гермодвери.

А я остался стоять с кристаллизующимся и очень точным ощущением, что за какие-то жалкие десять минут должность второго пилота деградировала до состояния чего-то среднего между посыльным и корабельной доской объявлений. И словно в подтверждение этой мысли в рубку ввалился Олик — как всегда, демонстрируя свою особенную, раздражающую манеру материализоваться на пути ровно в ту секунду, когда ты уже перенёс вес тела, чтобы пойти по своим делам.

Глава 5

— Мы на станции, типа?

Вопрос был задан с детским непосредственным любопытством, и я поднял на могучую фигуру взгляд. Олик смотрел на меня, а во взгляде читалась суетливая и живая заинтересованность, которую он никогда не успевал спрятать за своей мальчишеской бравадой. Да и не пытался, наверное. Зачем? Иной разумный вид, другая культура.

— Да. На станции.

— И надолго?

— Желлия скажет. Упоминала что-то про восемнадцать суток, но точно не скажу.

Олик шумно втянул носом воздух, его взгляд уже скользил по тусклому металлу переборки, обводил стыки и заклёпки. Голова чонкегишита уже была чуть повернута в сторону панорамного обзорного экрана, но ноги всё ещё оставались здесь, словно он не решался сделать первый шаг в нашу новую, пусть временную реальность.

— Слушай, — он опёрся плечом о стену, принимая нарочито расслабленную позу, — у меня тут, типа, есть один момент. Если будет возможность закупиться — ну, личное, не по списку, — это как вообще? Харк нормально к этому отнесётся?

— Смотря что за личное.

— Ну... — Он замаялся, что случилось с ним нечасто, и неловко потёр ладонью затылок. — Там один тип делает такие штуки... типа, игральные кубики, специальные. Для одной игры, её сильви придумали, я на Мирре видел. Мне один сильви объяснил правила, там очень интересно, короче, нужно шесть кубиков с нестандартным количеством граней, и я хотел...

— Олик.

— А? — он моргнул, сбившись с мысли.

— Сначала разгрузка. Потом оплата. Потом Харк решает.

— Ну да, — он поспешно кивнул и снова шмыгнул носом. — Я понимаю. Просто в принципе, типа, спрашиваю.

— В принципе — сам спросишь у Харк, когда придёт время.

Он кивнул ещё раз, но с места не сдвинулся, остался стоять рядом. Я видел, что у него на языке вертится ещё что-то, какой-то другой, возможно, более важный для него вопрос, но он пока придерживал его, выжидая. Я тоже молчал, прислонившись к холодной переборке. Олик принялся переминаться с ноги на ногу — он всегда так делал, когда думал, что никто не смотрит.

— Ещё что-то? — спросил я, чтобы подтолкнуть его.

— Нет, — он выдержал паузу. — Просто, типа, интересно, что там на станции. Ты видел её снаружи, когда подходили?

— Видел.

— Ну и как?

Картинка развернулась перед мысленным взором сама, без всякого усилия. Россыпи огней, выстроившаяся в струну очередь кораблей, похожая на светящуюся змею, плотность и хаос выверенного движения.

— Большая. Огней много. На базар похоже.

При слове «базар» Олик мгновенно оживился, словно внутри него щёлкнул переключатель. Он оттолкнулся от переборки, его тело подалось вперёд, вкладываясь в рассказ.

— Вот! Типа, это самое правильное слово. Базар. Я на таких бывал, когда в подсекторе Сибар на ремонте в доках стояли. Есть такой там один. Вообще, короче, зайдёшь — и всё, заблудишься на три дня и даже не заметишь. Там такие, типа, лотки, понимаешь, один над другим, и ты снизу смотришь вверх — а у тебя метров двадцать торговли над головой, и все

орут, и всё пахнет, и всё продают одновременно. Причём продают всё подряд — вот здесь оружие, а тут тебе еда, а рядом — живые существа в клетках, я без понятия вообще, кто это был, маленькие такие, пушистые, пищали, и прямо возле них — какая-то схема и разобранный гипердрайв — по частям барыжат значит, а кольца и квантиума-400 уже с него скрутили. Прикинь? И все ходят и толкаются, и галдят, как ни в чём не бывало, — он шмыгнул носом, с азартом качая головой. — На Калим-Тоше, говорят, такой же. Может, даже больше. Там, типа, есть целый ярус только с едой. Я слышал, там такое готовят, чего больше нигде не найти. Местные торговцы, со всей трассы привозят. Замороженное ясно...

Это последнее он произнёс почти вскользь, будто сам не придавал этому значения. Зато я придавал.

Целый ярус с едой.

Я слушал его уже краем уха, потому что в голове стучала одна-единственная мысль: восемнадцать суток. Это чудовищно много. На Мирре у меня было всего несколько часов, и то я успел попробовать тоор-ан. Что можно успеть найти за восемнадцать суток на станции, где целый ярус посвящён только еде? Я понятия не имел. Но был твёрдо намерен выяснить.

— А ты сам там был? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— На Калим-Тоше? — Олик почесал затылок. — Проходили пару раз. Но мы тогда стояли недолго, типа, сутки всего, и Харк никого не пускала — груз был срочный. Я только снаряжи видел. — Он грустно замолчал, копаясь в памяти. — Говорят, там есть место, где делают такое мясо на углях, прямо в ангаре, дым идёт — и это нормально, у них своя вентиляция. Очередь туда стоит всегда. Всегда.

Мясо на углях.

Мой кадык судорожно дёрнулся, но я мысленно закрыл этот образ, убрал его в дальний ящик сознания. Сейчас не время.

Харк вернулась в рубку минут через пятнадцать. Она лишь мельком заглянула на открытый мостик и бросила.

— А чего вы здесь стоите?

— Ждём досмотровую группу, капитан. — бодро отпартовал я.

— Ар, — она посмотрела прямо на меня, — ты принял список от Риваша?

— Так точно, капитан. Он передал через меня, да.

— И от Кито?

— Так точно.

Она кивнула — это был не вопрос, а сверка данных, она и так всё знала.

— После разгрузки смотрим, что там по деньгам. Дрэнг должен перевести оплату в течение суток после приёмки. Если переведёт — закрываем критические позиции в первую очередь. Реактор, медотсек, оплата экипажу. Остальное — по остаточному принципу.

— Смею заметить, капитан, что Риваш будет недоволен тем в каком порядке вы расставляете приоритеты.

— Риваш всегда недоволен порядком, — Желлия взяла у меня планшет и переложила его себе в карман, только на секунду задержав на нём руку, проверяя рефлекторным движением, что он лёг на место. — Это не новость.

Она развернулась и вышла, а я остался в рубке и через минуту был вознаграждён. К нам лениво двигалась группа, которую я принял за таможенников. И отправился встречать гостей. В тишине шлюза отчётливо раздались шаги с характерными металлическими щелчками пустотных ботинок. Их оказалось трое.

Двое лубасири в стандартных серых комбинезонах с нашивками портового контроля — один держал в руках сканер, второй — планшет. Впереди них шёл чонкигешит. Довольно коренастый, широкомордый, с маленькими внимательными глазами. Он вошёл первым и сразу замер на пороге, оглядывая шлюзовую камеру. Чего в его взгляде не было, так это празд-

ного любопытства, скорее вьевшаяся привычка профи. Так осматривают помещение люди, для которых это многолетняя профессиональная рутина.

Харк вышла им навстречу с мостика.

— Капитан Харк? — Чонкигешит не протянул руку, лишь коротко кивнул. — Старший инспектор Тавш. Стандартный досмотр при первом заходе после длительного перерыва. Займёт минут тридцать-сорок. Прошу предоставить доступ к грузовому отсеку, машинному отделению и жилой зоне.

— Сколько нас не было? — спросила Желлия тем же деловым тоном.

— Восемнадцать стандартных месяцев и тридцать два дня по бортовому журналу.

— Тогда понятно. — Харк кивнула в мою сторону.

— Мой второй пилот проведёт вас по звездолёту и покажет всё что нужно.

Я пошёл первым, и Тавш тут же пристроился рядом — вровень, плечо в плечо, а не сзади, как положено ведомому, чем сразу выдал привычку работать с тем, кто ведёт. Двое его лубасири держались в шаге позади: один нёс ручной сканер с широкой антенной, похожей на ухо локатора, у второго в руках светился планшет с открытым манифестом.

Пока мы шли по коридору, Тавш методично, без всякой спешки осматривал всё вокруг. Его взгляд задерживался на каждом объекте на пару мгновений, прежде чем скользнуть дальше. Смотреть на борту, честно говоря, было решительно не на что. Переборки, гермодвери, тугие кабельные жгуты под подолоком, вентиляционные решётки, сочленения трубопроводов. Он видел то, на что я в спешке и рутине очень быстро перестал обращать внимание, и от его пристального взгляда привычное пространство корабля казалось чужим и полным изъянов.

— Звездолёт в хорошем состоянии для своего класса и возраста, — заметил Тавш, не поворачиваясь; он с лёгким наклоном головы разглядывал поворот кабельного пучка у самого потолка. — Это же серия Т4-М20? Кто у вас инженер?

— Всё верно. Главный инженер у нас Кито.

— Хорошая работа.

— Кито и его дроиды за всем хорошо присматривают, — коротко ответил я, чувствуя прилив гордости за своего инженера.

— Видно, — он указал подбородком на потолочный жгут. — Вон та скоба немного разболталась. Не критично, но лучше подтянуть. Т4-М20 — старая серия. Ваш звездолёт сошёл со стапелей лет под триста назад. Довоенная модель...

Я поднял голову. И правда — хомут крепления чуть сдвинулся, и толстый пучок кабелей провис на лишний сантиметр, нарушая строгую геометрию коридора. Я проходил здесь десятки раз на дню и, разумеется, этого не замечал.

— Я передам Кито. Спасибо, что подметили.

— Вежливый искусственник? Хм... Необычно. Не благодарите. Просто к слову пришлось. Вы же гражданин с ограниченными правами?

— Да, я гоп. Недавно из чана. Для меня всё ещё в новинку.

Чонкегешит хохотнул.

— Из чана... Скажете.

Повисла пауза, а я остро ощутил, что Тавш до жути хочет поболтать. Мне в общем-то болтать не очень-то хотелось. Все мысли были уже на ярусе с настоящей едой, но по здравому размышлению... Собственно, какая разница откуда получать информацию?

— Вы хорошо осведомлены о звездолётах, Тавш, — закинул я удочку. — Что ещё можете рассказать о нашей старушке?

— А вы сами не знаете? Вы же второй пилот...

— Увы, — развёл руками я и смущённо улыбнулся, — второй пилот, всё верно, но вот нейросети у меня нет пока. Ограничен в получении информации. Потому и ценю хорошую беседу с мудрыми собеседниками.

— Хм... Второй пилот без нейросети. Вы меня удивили. С чего бы начать? Ваш звездолёт был построен до войны Чонкегишитского Директората с Империей Лубасири, нашей «Кхел-Гар». Сейчас это корпорация, но все чонкегишиты помнят, что это наш инженерный синдикат.

— Вот как? — подбодрил я неторопливого Тавша.

— Именно, — солидно кивнул проверяющий. — За сухим индексом «Кхел-Гар Т4-М20» скрывается не просто набор инженерных чертежей, а философия выживания, исполненная в металле и стандартизированная до совершенства. За это независимые капитаны до сих пор готовы прощать этим судам их возраст и внешнюю неказистость.

Я сделал стойку. Такие разговоры мне всегда нравились.

— Внимательно слушаю, — кивнул я. — Тема весьма интересная.

Инспектор поднял на меня потеплевший взгляд и продолжил.

— Чтобы понять философию кораблестроения необходимо рассказать немного историю, которая тянется из Тридцатилетней войны, — произнёс он, и в его голосе зазвучали низкие, вибрирующие обертоны. — Тогда наш Директорат ещё не стал Протекторатом, а имперские эскадры уже выжигали населённые пограничные планеты в безвоздушный базальт, считая нас угрозой стабильности. Мы осознали простую и горькую истину, что конфликт выигрывает не числом линкоров, а скоростью, с какой ты способен поднять в воздух то, что вчера лежало грудой обгоревшего металла. Так возник инженерный синдикат «Кхел-Гар». С нашего можно перевести, как «Негнушийся Хребет» или «Стальной Стержень». Инженерный синдикат, чьей единственной доктриной стала фанатичная приверженность ремонтпригодности, унификации и полевой замене узлов. Мы отвергли имперскую любовь к закрытым, проприетарным системам, которые намертво привязывают владельца к единственному поставщику запчастей и авторизованным докам. Вместо этого мы выковали то, что вошло в историю индустрии под знаком открытой модульной архитектуры.

Я кивнул, чувствуя, как в памяти всплывают сухие схемы из виртуальных модулей, которые я заучивал наизусть, но которые теперь, словно по волшебству, обретали живую, историческую плоть.

— То есть вы изначально проектировали судно для выживания в условиях, когда доступ к специализированной инфраструктуре был невозможен? — уточнил я, намеренно формулируя вопрос так, чтобы подтолкнуть инспектора к раскрытию технической сути, но оставить за ним право выбора деталей. — Насколько я могу судить, это означало сознательный отказ от унификации под имперские стандарты в пользу универсальности?

— Именно так, — хмыкнул Тавш, постукивая костяшками широких пальцев по холодной переборке. — Физическая стандартизация. Все критические узлы — реакторный отсек, блоки жизнеобеспечения, навигационные ядра, силовые щиты — крепятся к силовому набору корабля через унифицированные стыковочные фланцы. Полная механическая, электрическая и тепловая совместимость. Снимите лубасирийский каскадный ионный двигатель Мануфактур Дома Иадо и установите на его место чонкегишитский плазменный ускоритель. Или кустарный факельный агрегат, собранный на фронтире из списанных деталей и переваренный в доке астероидного кармана. Главное — соблюсти габариты и точки крепления. Машина примет его, если вы правильно протянёте магистрали и настроите контуры.

Я почувствовал, как внутри шевельнулась холодная, практическая радость. Это означало автономию. Означало, что наш капитан, могла заменить сгоревший модуль, не дожидаясь, пока имперский док соизволит принять заявку, проверить лицензии и выставить счёт, превышающий стоимость всего груза. Это означало свободу манёвра, где каждый день — это лотерея, а ставка в ней — не кредиты, а жизнь экипажа.

— А программная часть? — спросил я, уже предвосхищая ответ, но желая услышать подтверждение из уст носителя традиции, дабы отделить маркетинговые легенды от инженерной реальности. — Империя ведь славится своими аппаратными блокировками, шифрован-

ными протоколами и нейро-драйверами, требующими официальной лицензии. Если физическая архитектура открыта, как вы обойти цифровые замки?

Тавш усмехнулся, и в этой усмешке промелькнуло уважение, граничащее с тихим вызовом.

— Программная прозрачность и отсутствие замков, второй пилот. Мы предоставляли базовый код управления системами в открытом доступе. В рамках имперских требований безопасности, разумеется, но с возможностью переписывания алгоритмов распределения энергии, адаптации сенсоров под нестандартные условия или полного отключения автоматических ограничителей, когда ситуация требовала невозможного. Капитан здесь не арендатор функций, а соавтор поведения машины. И третье — модульная избыточность. Ни одна система не является единственным узлом отказа. При потере основного контура управления дублирующий модуль подключается вручную через резервные шины. В условиях когда док может находиться в дести парсеках, а запчасти — за световые годы, корабль должен уметь «лечить» себя сам.

Я внутренне замер, переваривая услышное. Перед моим мысленным взором с новой ясностью всплыла схема «Бродяги Тэбити». Я вспомнил те странные, кустарно приваренные рёбра жёсткости у некоторых переборок, нестандартные выводы системы жидкостного охлаждения, которые я заметил в трюме, усиленные анкерные крепления под потолком, непредусмотренные заводской компоновкой. Раньше я списывал это на следы аварий и последующих кустарных ремонтов. Теперь система сложилась воедино, как пазл, в котором наконец нашли место все фрагменты. Это была не халатность, а сознательная, выверенная модернизация, проведённая с глубоким пониманием философии «Кхел-Гар». Кто-то, явно не жалея средств и времени, брал эту довоенную рабочую лошадку и превращал её в скальпель. Менял силовую установку, наращивал контуры питания, усиливал генераторы щита, чтобы посудина держала удар больше, чем указано в паспорте.

— Получается, — медленно произнёс я, связывая нити воедино и проверяя собственную гипотезу, — что Т4-М20 выжила не по милости победителей, а по собственной необходимости. Империя, осознав, что её собственные суда требуют дорогостоящей инфраструктуры и специализированных техников, была вынуждена признать ценность вашей платформы. За этим стоит нечто большее, чем просто логистика или тактика. Это философия выживания на периферии. Гибкость против жёсткости. Возможность починить здесь и сейчас ценнее гарантии от производителя, находящегося за три парсека.

Глава 6

Тавш кивнул, и в его маленьких, внимательных глазах вспыхнула искра признания.

— Знаете, вы ухватили суть быстрее, чем многие лубасирийские выпускники столичных академий, — ответил он, понижая голос. — Да, Империя строит свои корабли как замкнутые экосистемы: всё подчинено, всё зашифровано, всё обслуживается через официальные каналы. Это порождает порядок, предсказуемость и абсолютную зависимость. Мы же, проиграв войну силой оружия, выиграли её логикой выживания. Т4-М20 летает до сих пор не вопреки имперской системе, а благодаря её слепым пятнам, которые открытая архитектура и пытливый ум превращают в возможности. Когда старый инспектор родом из Протектората, то есть я, узнаёт серию Т4-М20, он видит не трёхсотлетний металл, а наследие культуры, которая научилась существовать в имперском пространстве, не растворяясь в нём. Он видит корабль, который позволяет своему владельцу плевать на чужую систему.

Я почувствовал, как внутри укрепляется уверенность. Знание этой истории было не просто эрудицией или приятной беседой. Теперь я понимал, почему Желлия Харк выбрала именно этот звёздолёт. Точно не из скупости или случайности, а потому что знала, что этот звёздолёт позволяет своему экипажу действовать автономно, принимать решения на месте и не оглядываться на бюрократические регламенты. Если что-то пойдёт не так, она не будет ждать авторизованного техника с лицензией. Она возьмёт гаечный ключ, открутит стандартный фланец и заменит узел на то, что есть под рукой. И корабль это примет без блокировок и отказов в запуске.

— Спасибо, инспектор Тавш, — сказал я, и на этот раз в моём голосе не было ни тени фальши. — Эта беседа для меня дороже стандартного допуска. Теперь я понимаю, почему Кито так часто заглядывает в машинное отделение с нестандартными инструментами. Он не ремонтирует, а адаптирует.

— Берегите эту старушку, второй пилот, — ответил Тавш, уже поворачиваясь к своим ассистентам, которые шли за нами не вликая в разговор. — В эпоху, когда все гонятся за закрытыми системами и цифровыми ошейниками, открытая архитектура — это последний бастион свободы в пустоте. Передайте вашему инженеру, что скоба — это не критично, но пусть подтянет.

Я кивнул, и наша группа двинулась дальше. В голове вихрем кружились мысли. Выходит машинка наша помнила и войну, и поражение, но отказалась умирать. И теперь, благодаря знаниям, которые я только что почерпнул, понял, как с ней разговаривать. Как чинить её, когда официальная инструкция бессильна.

Я закрыл глаза на секунду, представляя схемы трюма, узлы крепления, резервные шины, открытые протоколы управления. Когда я открыл их, в голове уже не осталось сомнений. Мы не просто болтаемся на трёхсотлетнем корыте от системы к системе, а владеем территорией, которую Империя не может контролировать. И этого пока достаточно, чтобы сделать следующий шаг вперёд, а шаг этот лежал в трюм, пока что.

Грузовой отсек встретил нас строгими рядами контейнеров. Триста шестьдесят штук, уложенных в восемь рядов по пять ярусов — плотно, с выверенными до миллиметра зазорами, стянутые по периметру каждого яруса крепёжными лентами. Я знал, что Кито и Олик укладывали их лично, никому не доверяя грузовые работы, когда речь шла о балансировке корабля.

Лубасири со сканером вошёл первым, вскинул антенну и начал медленный проход вдоль первого ряда, держа прибор на расстоянии полуметра от контейнеров. Сканер тихо и монотонно пел, и высота его тона едва заметно менялась, когда антенна проходила над стыками между ящиками.

— Маркировка стандартная? — спросил второй лубасири, не отрывая взгляда от планшета, его палец замер на строке.

— Всё стандартно. Маркировка «Рикса». Контейнеры не вскрывались, цифровые печати в норме, — я ткнул пальцем в нужную графу манифеста, который он мне даже не показал. — Белковый концентрат, класс хранения второй. Триста шестьдесят единиц, опечатано на Мирре перед отправкой.

— Температурный режим соблюдался?

— Постоянный. Грузовой отсек на автоматике.

Он принялся листать манифест, сверяя коды с чем-то в своей системе. Больше трёх сотен позиций, каждая с уникальным идентификатором. Процесс затягивался. Я стоял рядом и молча наблюдал, как его пальцы скользят по экрану, а в голове нарастало глухое раздражение от этой методичной, чиновничьей власти над моим пространством и временем.

Тавш тем временем неспешно ходил между рядами. Без сканера, без планшета — просто смотрел, заложив руки за спину и чуть наклонив голову. Он двигался медленно, задерживаясь у каждого ряда на несколько секунд, выхватывая взглядом маркировку на отдельных контейнерах — не подряд, а по какому-то одному ему понятному принципу. Я следил за ним краем глаза, тщетно пытаясь разгадать его логику. Это не было ни проверкой по порядку, ни случайным выбором — он что-то искал, и искал целенаправленно.

Он остановился у контейнера в середине третьего ряда, чуть наклонился, чтобы прочесть маркировку, и выпрямился. Затем прошёл в дальний угол отсека, где из-за кривизны корпуса укладка шла под небольшим углом.

— Этот ряд крепился отдельно? — Тавш опустил на корточки и провёл пальцем вдоль натянутой стяжки, проверяя её натяжение, после чего поднялся.

— Угловой. Там нестандартный зазор. Олик, наш канонир, крепил вручную.

— Вижу. Стяжки держат?

— Держали, когда мы выходили из атмосферы Мирры, — я позволил себе небольшую паузу. — Там было немного интереснее, чем планировалось. Пришлось бросить сорок контейнеров, экстренно стартовать и использовать гравитационный манёвр.

Тавш на секунду перевёл взгляд на меня — словно регистрируя факт. Затем, ничего не сказав, вернулся к своим ассистентам.

— Вскрываем два, — он указал на контейнеры, даже не глядя на них: один в середине первого ряда, другой — тот самый, в дальнем углу. Совершенно разные позиции в манифесте, разные условия укладки. У него точно был какой-то свой метод.

Защёлки сухо щёлкнули, крышки пошли вверх. Внутри, в вакуумной упаковке, плотно лежали серо-белые брикеты без малейшего запаха. Лубасири со сканером провёл антенной над верхним слоем, затем опустил её глубже в массу брикетов, ожидая показаний.

— Белковый концентрат, биомасса морского происхождения. Соответствует заявленному классу, — доложил он, поднимая взгляд. — Второй?

Второй контейнер вскрыли у дальней стены. Та же картина: брикеты, вакуум, сканер, короткая пауза.

— Соответствует, — лубасири с планшетом сделал отметку и смахнул файл с экрана. — Триста шестьдесят единиц, манифест сходится.

Тавш молча кивнул. Подошёл к первому вскрытому контейнеру, провёл ладонью по его крышке — не в поисках чего-то, а просто машинальным, завершающим жестом. Потом повернулся ко мне.

— Проведите нас в машинное...

По дороге он молчал. Я тоже. Коридор, поворот, гермолюк в машинное отделение. Я приложил ладонь к панели, и замок с тихим щелчком отпустил створку. Лубасири с планшетом на входе едва заметно поморщился, но тут же взял себя в руки.

Кито стоял у основного пульта спиной к нам. Он не обернулся на наши шаги, лишь бросил в сторону мерцающих экранов:

— Реактор в холодном режиме. Все показатели в норме. Последний регламент три недели назад, журнал открыт на экране пульта.

Тавш подошёл к пулту сам. Открыл на последней записи и начал быстро листать назад, просматривая всё по диагонали. Он не читал каждое слово — он явно что-то искал.

— Регламент закрыт с пометкой о плановой замене охладителя, — Тавш не отрывал взгляда от страницы, перелистнул её ещё раз. — Замена была произведена?

— Произведена, — Кито наконец обернулся и, не глядя, вынул из кармана личный планшет. — Расходник списан согласно накладной семнадцать дробь четыре.

— Покажите накладную.

Он нашёл нужный файл и молча протянул ему планшет.

Тавш закончил сверку и неторопливо закрыл планшет, в то время как один из лубасири, вооружившись сканером, уже заканчивал методичный обход вдоль реакторного контура, двигаясь секция за секцией. Пока прибор время от времени подавал тихие, монотонные сигналы, фиксируя рабочие показатели, Кито молча наблюдал за процессом, глубоко засунув руки в карманы и чуть прищурившись — с тем самым выражением лица, с которым обычно смотрят на незваного гостя, решившего без спроса пересчитать кастрюли на чужой кухне. Наконец лубасири опустил сканер, подтверждая отсутствие аномалий, и Тавш перевёл взгляд на инженера.

— Гипердрайв?

— В режиме ожидания, контуры полностью закрыты, — он забрал планшет и уверенно добавил: — Корабль будет готов к прыжку ровно через восемь часов после того, как поступит соответствующая команда.

Тавш вернул бортовой журнал учёта технического состояния (который мы между собой называли нежным словом ЖУТС) на главный пульт машинного и кивнул, показывая, что эта часть проверки завершена. Жилая зона оставалась последним пунктом в нашем маршруте коридор, каюты, мастерская и камбуз. Тавш шёл всё тем же размеренным шагом, не проявляя ни лишней торопливости, ни особого интереса, пока мы не поравнялись с медотсеком. Там он задержался на мгновение, взглядывая в ровный зелёный свет индикатора над дверью.

— Меддроид на борту имеется?

— Да, — ответил я, стараясь придать голосу максимум спокойствия.

— Лицензия актуальна?

— Обновляли в прошлом квартале, всё в полном порядке.

Тавш молча двинулся дальше, но у входа в мастерскую его шаг заметно замедлился — дверь была приоткрыта, и изнутри потянуло чем-то таким, что сканер в руках лубасири, судя по тревожному изменению тона, зафиксировал мгновенно. Тавш толкнул тяжёлую створку, и мы вошли внутрь.

Перегонный аппарат, до этого стыдливо прикрытый ветошью, теперь стоял в самом центре мастерской во всём своём кустарном величии. Олик, застигнутый врасплох, замер у верстака с тяжёлым гаечным ключом в руке, делая вид, будто увлечённо подтягивает крепёж, и при виде инспектора даже не изменился в лице, сохранив абсолютное спокойствие.

— Что это здесь у вас? — негромко спросил Тавш.

Олик медленно положил инструмент на верстак и подошёл к аппарату. Он взялся за края полотна обеими руками и снял его так бережно и аккуратно, словно стягивал покров с бесценного произведения искусства, выставляя конструкцию на всеобщее обозрение. Основой аппарата служил корпус списанного дрона, к которому тянулись три банки разного объёма, соединённые между собой сложной системой трубок, а роль холодильного контура исполнял самодельный радиатор, извлечённый из запасов Кито. В одном месте я заметил медную

трубку, густо обмотанную пустотным пластырем — верный признак того, что система в какой-то момент дала течь.

Тавш некоторое время смотрел на это инженерное чудо в полном молчании, после чего поднял взгляд на Олика.

— Это что такое, я спрашиваю?

— Перегонный аппарат, типа, — ровным голосом ответил канонир.

— И для чего же он предназначен?

— Для прямой перегонки.

Молодой лубасири со сканером наперевес уже сделал шаг вперёд, намереваясь, видимо, зафиксировать нарушение, но Тавш резким жестом руки остановил его. Он сам подошёл к крайней банке, приоткрыл крышку и, чуть наклонившись, осторожно вдохнул пары, после чего выпрямился.

— Алкоголь?

— Дистиллят, — Олик выдержал профессиональную паузу, прежде чем уточнить: — Грибной. На основе мутировавших штаммов из вентиляционного контура. Класс безопасности четвёртый, показатели токсикологии в пределах нормы, проверено лично.

— Лично вами, значит.

— Лично мной, типа. — набычился Олик.

— Вы же понимаете, что любое производство продукции на борту звездолёта требует наличия соответствующей лицензии?

— У меня здесь не алкоголь, а именно дистиллят, — Олик продолжал смотреть не на Тавша, а на банку, словно та была главным аргументом в их споре. — Это, если позволите, несколько иная вещь.

Тавш открыл планшет и начал что-то быстро вводить, а я стоял рядом и ждал, пока в голове лихорадочно прокручивались возможные варианты развития событий: изъятие, неподъёмный штраф или просто расстрел на месте. Если прибор конфискуют, Олик будет пребывать в дурном расположении духа как минимум месяц, что не сулило экипажу ничего хорошего.

— Можно попробовать? — Тавш внезапно оторвался от экрана, и это был первый раз за всё время осмотра мастерской, когда он посмотрел на нас с явным интересом.

Олик, словно ожидая этого вопроса, уже потянулся за кружкой. Стоявший за спиной инспектора. Один из сопровождавших лубасири неодобрительно качнулся назад, едва слышно пробормотав, что мы всё-таки находимся при исполнении, на что Олик, уже держа кружку над банкой, вежливо, но твёрдо возразил:

— Это чисто в целях экспертизы состава и, типа, верификации заявленных характеристик.

Он наполнил кружку и протянул её Тавшу. Тот взял её, понюхал с самым серьёзным видом — так нюхают напитки, о которых действительно хотят составить взвешенное мнение — и сделал осторожный глоток. Секунду он молчал, прислушиваясь к ощущениям. Выпил ещё, на этот раз приложившись по-серьёзному.

— Горчит...

— Послевкусие мутировавших грибов, — невозмутимо пояснил канонир. — Обычно уходит, типа, где-то на второй минуте.

Тавш допил, крикнул, и поставил кружку обратно на верстак и сделал окончательную запись в своём планшете.

— Производство для личного употребления экипажем в объёме до двадцати литров — оформляю минимальный штраф по действующему тарифу. Это вашему экипажу встанет в двадцать пять дукатов, — он убрал планшет во внутренний карман, не глядя на нас. — Изъятию не подлежит. Рецепт задокументирован?

— Наш инженер, типа, в голове его держит, — виновато развёл ручищами канонир.

— Очень жаль, — бросил Тавш, уже разворачиваясь к выходу.

Мне пришлось идти следом, поскольку процедура проводов посторонних на борту до шлюзового перехода строго регламентирована протоколом. Мы шли в тишине, нарушаемой только ритмичным шагом инспектора и его подчинённых, и этот путь через коридоры до внешней переборки казался бесконечно долгим. Когда мы наконец достигли цели, Тавш обернулся и протянул мне планшет, требуя формальность.

— Подпись о проведении досмотра.

Я приложил палец к сенсору, дождался тихого писка подтверждения и вернул устройство. Тавш постоял ещё секунду, глядя на створки шлюза, а не на меня, и его голос прозвучал уже совсем официально.

— Копию документа получите в течение суток на основной корабельный адрес, штраф необходимо оплатить в течение суток. — Он уже начал выходить, но на самом пороге вдруг добавил: — И про скобу не забудьте.

— Не забуду.

— И ещё одно, — он снова замер. — Отличная работа по укладке грузового отсека. Особенно тот угловой ряд. Далеко не каждый сейчас так замораживается с балансировкой.

Я не нашёл, что ответить, и Тавш, коротко кивнув, вышел наружу. Тяжёлый шлюзовой створ с шипением закрылся, отрезая нас от внешнего мира, и я услышал, как шаги с подковками гулко простучали по металлу с той стороны и постепенно затихли.

Выждав минуту у закрытой переборки, я вернулся в мастерскую, где Олик и Кито как раз поднимали кружки. Инженер осторожно понюхал содержимое и с явным удовлетворением констатировал:

— Двадцать пять...

Я продолжал стоять в дверях, анализируя произошедшее. Минимальный штраф — это была настоящая удача, всё могло закончиться гораздо хуже, будь Тавш чуть менее опытным или чуть более принципиальным. Кито, судя по его спокойному виду, думал о том же самом, но без лишней тревоги.

— Он ведь имел полное право всё изъять.

— Имел, — ухмыльнулся Кито. — Но не стал.

— Потому что это я, типа, решил дать ему попробовать нашенского грибного напитка, — самодовольно заметил Олик.

— Нет, думаю, потому что дистиллят действительно хорош, а это, знаешь ли, совсем разные вещи, — иронично хмыкнул инженер.

Мы опрокинули в себя тоже по кружке и Кито снова накрыл свой аппарат — всё так же аккуратно, обеими руками, как и в начале досмотра. Потом взял ключ и принялся затягивать какое-то крепление, хотя в этом явно не было технической необходимости. Просто руки сами искали привычное занятие, чтобы сбросить остатки напряжения. А я всё думал о Тавше, который по регламенту мог разнести нас в пух и прах. Лицензии-то у нас действительно нет, производство незаконное, нарушение на нарушении. Но он выписал копеечный штраф и ушёл. Наверное, дело было не только в грибном самогоне — просто он, повидавший на своём веку сотни судов, сразу понял, что перед ним нормальный корабль с нормальным, живым экипажем. А таких инспекторы стараются не трогать без самой крайней нужды.

Глава 7

Я шагнул из шлюза «Тэбити», и меня тотчас же обдало густым, многослойным шумом ангарной суеты, отчего сразу ощутил, что корабль, оставшийся у меня за спиной, был единственным местом на всей этой громадной станции, где мир ещё подчинялся понятному мне ритму. Здесь же всё было чужое. Слишком большое и резкое в своей деловитости, поглощённое собой и равнодушное к тому обстоятельству, что я впервые ступил на Калим-Тош не в качестве балласта или пассажира, а как полноправный член команды, у которого уже имеется свой определённый кусок работы, а значит, и право находиться в экипаже.

Воздух в ангаре оказался заметно суше и плотнее, нежели на борту, и даже как будто жёстче на вдохе.

Погрузчик уже стаскивали с «Тэбити» контейнеры по два за один заход. Я присмотрелся к машинам. Низкие, широкие с тупыми мордами и мерцающими по всему обводу корпуса сигнальными полосами подползали к борту с ленивой на вид, но безукоризненной точностью, подхватывали груз своими механическими захватами и неторопливо отползали прочь, уступая место следующему. Между ними, точно белёсые насекомые возле туши большого зверя, сновали станционные дроиды-серванты, которые сноровисто подтягивали крепления, отмечали номера контейнеров и тут же скидывали данные своим бригадирам. Чонкигешиты из доковой бригады не разговаривали между собой, просто быстро и проворно работали.

В этом, собственно, и заключался весь Калим-Тош: снаружи он казался воплощением бардака, несмолкаемого гула и форменной бесовщины, но изнутри — чёрта с два. Здесь всё было нарезано по секундам, и любой, кто выпадал из этого выверенного ритма рисковал быть сметённым в сторону, как досадная помеха.

Я без всяких напоминаний подхватил свой участок работы, ибо стоять и глазеть по сторонам — значит добровольно записываться в разряд одетых в лыжи придурков. Проверил крепления, натяжение страховых лент, целостность маркировки и состояние стыков, где при грубом обращении могло потянуть защитную плёнку или дать слабину пломба. Работа была понятная, привычная, а потому именно она лучше всего удерживала разум от соблазна тупо пялиться на масштабы здешнего организованного и жёстко регламентированного дурдома.

Слева от меня с грохотом двигался роликовый конвейер, принимавший мелкие контейнеры с другого судна; справа так пронзительно визжал резак, что сводило зубы. Где-то высоко, под самым сводом ангара, куда лишний раз и смотреть не хотелось из-за того, что начинала кружиться голова, медленно ползали крановые гравитационные тележки, и каждая из них волокла на невидимой сцепке нечто настолько тяжёлое, что один-единственный срыв превратил бы одного, изображавшего бурную жизнедеятельность, гопа в кровавую лужу. И станцию это обстоятельство, похоже, ничуть не заботило — она пожирала груз, людей и время в своём обычном, заведённом ритме, и до меня очень быстро дошла простая истина, что любоваться мной в ответ никто здесь не собирался.

Именно поэтому первое появление заказчика я банально пропустил, погрязнув в суете.

Мати Дрэнг оказался ровно таким, каким и должен быть чонкегишит, годами зарабатывающий на транспортных маршрутах и умеющий делать деньги из чужих крови и пота. Он был коренаст, плотно сбит и одет дорого, но без дешёвого кричащего хвастовства — всё на нём сидело правильно, подчёркивая сухую деловую собранность. И не был он ни рабочей скотиной, ни кабинетной рожей. На языке вертелось только сравнение с оператором собственной, давно отлаженной схемы, который теперь лишь следит за тем, чтобы никто не совал к крутящимся зубьям шестерёнок свои потные ладошки.

Походка этого нового действующего лица была тяжела и основательна, ни малейшей суеты или желания задеть кого-либо плечом, чтобы утвердить своё превосходство не выда-

вала. Пространство и без того само трансформировалось, расступаясь перед плотной фигурой в длиннополом формальном деловом костюме, как это всегда бывает возле тех, кто давно привык, что всё важное и нужное им и так подадут к сроку.

Без прелюдий он подошёл прямо к Харк и сперва скользнул беглым взглядом по процессу разгрузки и номерам контейнеров, наконец остановившись на мне.

Но ненадолго. Меня он отметил ровно тем способом, каким отмечают новую блестящую гайку в давно знакомом механизме. Есть, стоит на месте, пригодность пока неясна, разберёмся позже. И сразу же, без всякого разогрева, без так называемой человеческой прокладки, он начал говорить с капитаном по делу, и вот тут-то я увидел, как можно давить на людей, совершенно не повышая голоса и ни разу не срываясь в прямое хамство.

— Капитан Харк, я рад, что ваш рейс всё-таки состоялся, — проговорил он с безупречной вежливостью, будто и впрямь поздравлял нас с большим успехом. — У меня сейчас очень плотное окно по перераспределению этой партии. Мне необходимо понимать, в каком темпе мы завершаем разгрузку и можете ли вы гарантировать готовность борта к повторному выходу в ранее согласованные сроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.